УДК 316.351

Ермолин Михаил Александрович – помощник заместителя председателя суда, Шестой арбитражный апелляционный суд (г. Хабаровск). *E-mail: khablesprom@mail.ru*

М.А. Ермолин
M.A. Ermolin

Советская элита и постсоветские элитные группы: проблема трансформации

В статье рассматривается процесс трансформации советских элит в постсоветские, российские элиты. Делается вывод о том, что сам этот процесс имел социально-экономическую основу и разделялся на несколько этапов, каждый из которых обладает собственной спецификой и собственным механизмом кооптации в элиту. Так же рассматривается вопрос взаимодействия местных и региональных элит. Работа посвящена изучению специфики и характеристики современной региональной элиты, сравнению социально-демографических и образовательных характеристик элиты позднего СССР и элиты 1990-х гг.

Soviet elite and the Post-Soviet elite groups: transformation problem

In this article the process of transformation of the Soviet elite in the Post-Soviet, Russian elite is considered. The conclusion that this process had a social and economic basis is drawn and divided into some stages, each of which possesses its own specifics and own mechanism of cooptation in the elite. Also the question of interaction of the local and regional elite is considered. The work is devoted to the studying of specifics and characteristic of the modern regional elite, comparison of the social and demographic and educational characteristics of elite of the late USSR and the elite of the 1990th.

Ключевые слова: *элита, воспроизводство элит, динамика элитных групп, консолидация элиты, социальные характеристики элиты.*

Keywords: *elite, reproduction of elite, dynamic of elite groups, consolidation of elite, social characteristics of elite.*

Одна из сложнейших проблем социологического исследования современных российских элит состоит в определении их связи/разрыва с элитами предшествующего, советского, периода [1]. В предлагаемой статье попытаемся проследить специфику этой связи и отталкивания, специфику современных элитных групп в России, их социальные характеристики.

Теоретической опорой для нас выступают классическая теория элит с ее классификацией [2] и современные социологические данные, представленные в работах отечественных социологов [3].

Прежде всего, необходимо выделить качественное отличие советских элит разных периодов. Если ранняя советская элита (20-е – начало 30-х гг.) представляла собой неконсолидированную и достаточно конфликтную группу, то в следующий период (30-е – 60-е гг. [4]) происходит процесс консолидации элитных групп. Формируется «номенклатура» как особый слой, занимающий доминирующие позиции в социальной структуре.

Стоит отметить и то обстоятельство, что ранняя советская элита представляла собой достаточно открытую группу, вхождение в которую было реальным даже для представителя базовых слоев населения, наделенного высокой пассионарностью. В следующий период элита замыкается. Кооптация происходит при формальной ориентации на базовые слои («рабоче-крестьянское происхождение»), но фактически проникновение в элитные группы случайных людей сведено к минимуму. При этом, однако, существуют мощные репрессивные механизмы поддержания качества элиты и отторжения представителей элиты, нарушивших нормы. Эти тенденции продолжились и в поздний советский период (70-е – 80-е гг.). Но здесь возникает собственная специфика, связанная в том числе с формированием региональных элитных групп.

Поздняя советская элита представляла собой консолидированную, автократическую и ненаследственную элиту. В качестве механизма пополнения элиты использовался механизм кооптации при формальной выборности. При этом, в наследство от предшествующего («сталинского») периода оставался мощный и жесткий инструмент поддержания качества элиты, отторжения нарушителя правил. Этот инструмент не позволял представителям (во всяком случае, массово и легально) закрепить свое господствующее положение.

Основные характеристики элиты этого периода отражены в таблице 1.

Таблица 1

Социально-демографические и образовательные характеристики элиты позднего СССР

Параметр	**Союзная элита (в %)**	**Региональная элита (в %)**
Средний возраст	61,2	59,0
Выходцы из сельской местности	57,7	66,7
С высшим образованием	92,3	100
С высшим техническим образованием	72,3	79,4
С гуманитарным (в том	11,4	6,3

числе юридическим) образованием		
Вновь рекрутируемые	13,4	15,9

Источник: рассчитано и составлено автором.

Однако с годами репрессивный механизм, по крайней мере, в отношении элит, ослабевал. Это начинало сказываться на качестве элиты, на ее готовности «работать на общее благо». При этом, по мере деградации политического режима неформальные социальные отношения все сильнее укоренялись в этой среде, ускоряя ее разрушение. Ротация элит как необходимый элемент поддержания их качества начинает блокироваться. Если на союзном уровне порядок (по крайней мере, формально) поддерживался, то на региональном «прорастание» элиты в социальное пространство региона протекало стремительно, способствуя росту популярности местных руководителей. Возникает стремление, отмеченное еще П. Бурдье [5], к передаче социальной позиции по наследству. Этот процесс осмыслялся как обмен «власти на собственность».

Для «обмена власти на собственность», закрепления своих социальных позиций поздняя элита СССР инициирует реформы. В результате этих реформ наиболее формально «самостоятельные» национальные республики выходят из состава СССР, становятся независимыми государствами.

В Российской Федерации начинается «парад суверенитетов», угрожающий самому существованию государства. Однако консолидированность советской элиты, общий культурно-исторический фон удержали страну от распада в условиях радикального ослабления государства. Тем не менее, изменения в элите были достаточно серьезными. Элитная группа на какой-то момент перестает быть замкнутой, раскрывается. Внутри страны начинается стремительная смена элиты, ее омоложение. Но если на федеральном уровне эта смена затронула более трети персонального состава элиты, радикально изменила расстановку сил, то на региональном уровне изменения персонального состава были минимальными (табл. 2).

Таблица 2

Социально-демографические и образовательные характеристики элиты 90-х годов

Параметр	**Федеральная (в %)**	**Региональная (в %)**
Средний возраст	54,2	56,0
Выходцы из села	27,3	36,8
С высшим образованием	97,3	100
С высшим техническим	23,2	59,8
С гуманитарным (в том числе юридическим)	41,4	14,3

Вновь рекрутируемые	35,4	14,7

Источник: рассчитано и составлено автором.

Стабильность положения региональных элит и рост их значения в 90-е гг. XX в. персонифицировались в фигуре губернатора, «хозяина» территории.

Большая часть губернаторов, которые «происходили» из советской номенклатурной системы, смогли победить в борьбе за власть на территории, присвоить широчайший объем полномочий, создать эффективный рынок административных услуг и региональную экономику. Их «предшественники» в смутный период начала 90-х гг., криминальные группировки [6], были ими просто вытеснены, как менее эффективные. Ведь организованные преступные группы, даже если они могли гарантировать экономическую и социальную транзакцию, не сообщали субъекту легальность, не позволяли функционировать на мировом рынке. Эту роль и приняли на себя местные элиты, консолидированные вокруг фигуры губернатора. Такая «губернаторская» экономика позволяла регионам выживать в условиях экономического кризиса, воссоздавать хозяйственные связи. Сначала внутри региона, а затем – и в более широких масштабах.

На долю федеральных элит остается обслуживание крупнейших предприятий, чья деятельность носит общенациональный или международный характер, и согласование межрегиональных транзакций. При том, что система обладала определенными ресурсами развития, что показали события кризиса 1998 г. и последующего подъема экономики, она вытесняла за собственные пределы достаточно широкий круг социальных агентов и групп, чем и предопределялась ее неустойчивость.

Это положение (господство региональных элит) создавало достаточно серьезное недовольство на уровне элиты федеральной, значительная часть которой была оттеснена от участия в управлении и от контроля над ресурсными потоками. Недовольство высказывала и большая часть населения, чей уровень жизни оказался несопоставим с демонстрируемым потреблением новых элитных групп. И если резкого падения качества жизни для этих групп не произошло, то уровень неравенства и острота его переживания возросли существенно. Как показывают социологические исследования тех лет [7], до половины населения страны воспринимало элиту как личных недругов.

Все это привело к новой трансформации элиты, в том числе региональной. Опорой для этого стали возросшие цены на углеводородное сырье и изменение принципа налогообложения экспортных предприятий. Внешний ресурс, который с конца 90-х гг. находится под контролем федеральной политической элиты, оказывается существенно более значительным, чем совокупные региональные ресурсы. В этих условиях острая потребность в рискованной региональной экономике и социальной структуре, контролируемой региональной политической элитой, исчезает. А объем полномочий, как и сама процедура легитимации власти губернатора, изменяются.

Постепенно меняется и персональный состав губернаторского корпуса и региональной политической элиты. Новая элита уже не столько представляет региональное сообщество перед внешними социальными силами, сколько интересы представителей федеральной элиты на территории. Они не столько управляют, сколько распределяют идущий извне ресурс и контролируют исполнение распоряжений и проектов вышестоящих инстанций.

Структурно это проявляется в наличии внешних и независимых акторов в социальном поле региональной элиты. К таким внешним акторам относятся аппараты полпреда, министерства по развитию Дальнего Востока, силовые структуры, региональные подразделения федеральных министерств и агентств.

Эти структуры жестко контролируют деятельность региональной политической элиты, лишая ее пространства для маневра. Основные хозяйствующие субъекты края представлены сегодня независимыми по отношению к политической элите региона акторами. Они интегрированы в общероссийскую структуру и решают свои проблемы, минуя губернаторский уровень.

Социальная значимость региональной политической элиты в этих условиях снижается, а характеристики элиты размываются.

Показательно, что речь здесь шла не столько о вытеснении прежних элит, сколько об их перегруппировке. Но наличие масштабного хозяйственного ресурса позволило максимально смягчить этот процесс. Прежние элиты, как и большая часть населения, не столько вытеснялись, сколько включались в распределительный процесс на субдоминантных основаниях. В этих условиях происходит радикальное снижение значимости региональных элит. Речь идет о формальной замене выборов губернаторов на их назначение. Это стало, скорее, формализацией объективно протекающего процесса.

Сам же процесс, на наш взгляд, связан с тем, что значимость федерального ресурса оказывалась на несколько порядков выше, чем весь хозяйственный ресурс, создаваемый в региональных экономиках. Изменилась экономическая основа общества, а с ним – и расстановка сил в элитных группах. В условиях высоких цен на нефть и газ такая модель не особенно нуждалась в самостоятельных региональных операторах. Ей необходимы были именно агенты, существующие в системе «агент – принципал». При этом, круг принципалов максимально сужался, а число контролеров и форм контроля постоянно возрастало.

Но в настоящий момент меняются сами условия. Бюджет, основанный на федеральных трансфертах, все более становятся дефицитным. При этом тенденция к нарастанию дефицита (даже в условиях сокращения социальных обязательств) сохраняется.

Здесь возрождение региональных элит и повышение их роли становится условиями выживания не только территориального сообщества, но и всей страны.

Региональная политическая элита продолжает оставаться пусть особой, но частью общенациональной элиты. Без этого элемента региональные элиты утрачивают существенную часть собственной легитимности, способности представлять и согласовывать интересы регионального сообщества.

Такая двойная легитимность со стороны федерального центра и территориального (краевого) сообщества создает уникальную возможность для конструирования макросоциального пространства страны. Федеральная власть и контролирующие ее федеральные элиты задают каркас, обеспечивающий целостность страны, возможность реализации международных и межрегиональных транзакций, решают задачи федерального уровня.

Вполне понятно, что большая часть этих задач находится за пределами реальности социального агента. В результате, за исключением ситуаций социальных, экономических или природных катастроф, уровень мобилизации населения (как и уровень поддержки власти) остается достаточно низким.

Здесь и включаются региональные элиты. Как показывают результаты формализованного опроса, проведенного нами в г. Хабаровске по территориальной выборке, до сих пор политические элиты являются ключевым элементом социальной структуры региона и именно так воспринимаются населением (табл. 3).

Таблица 3

Ответ респондентов на вопрос: «Кто, на Ваш взгляд, наиболее сильно влияет на ситуацию в Хабаровском крае?» (18 и более лет)

Организации края	**Степень влияния в %**
Никто не контролирует ситуацию, она развивается стихийно	12,6%
Мафиозные и криминальные структуры	5,2%
Губернатор, администрация	32,7%
Руководитель администраций города, районов	17,2%
Коммерческие банки	6,2%
«Директорский корпус» предприятий	8,6%
Всероссийские фирмы	10,0%
Другое	17,5%

Источник: рассчитано и составлено автором.

Именно политические элиты, по мнению респондентов, сильнее всего влияют на ситуацию в регионе. Они связывают каркас и социальную структуру, будучи укоренены и в политическом, и в социальном пространстве. Это обстоятельство обеспечивает, точнее, способно обеспечить целостность социальной структуры, целостность государства. Однако для этого региональные политические элиты из почти исчезнувшей

социальной группы с размытыми характеристиками и крайне скромным набором функций должны стать полноправными и полномочными представителями и лидерами территории. Расширение полномочий региональной политической элиты сегодня – веление времени.

Литература и источники:

1. Голутвина, О. В. Политические элиты: эволюция теоретических коллизий / О. В. Голутвина. – М., 1996 ; Ашин, Г. К. Элитология в системе общественных наук / Г. К. Ашин // Общественные науки и современность. – 2003. – № 4. – С. 124 – 134.

2. Моска, Г. Правящий класс / Г. Моска ; пер. с англ. и примеч. Т. Н. Самсоновой // Социологические исследования. – 1994. – № 12

3. Крыштановская, О. В. Анатомия российской элиты / О. В. Крыштановская. – М. : Захаров, 2005. — 384 с.

4. Восленский, М. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза / М. Восленский. – М., 1991.

5. Бурдье, П. Дух государства: генезис и структура бюрократического поля / П. Бурдье // Поэтика и политика. – М. : РОССПЭН, 1999. – С. 18 – 36.

6. Волков, В. В. Силовое предпринимательство / В.В. Волков. – М. – Л. : Летний сад, 2002.

7. Гельман, В. Федеральная политика и местное самоуправление: идеологии, интересы, практики / В. Гельман // Местное самоуправление в современной России: политика, практика, право. – М. : Летний сад, 1998. – 56 – 63.